

ВИКТОР ТЮРИН

СМЕРТИ ВОПРОКИ

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

АНГЕЛ С ЖЕЛЕЗНЫМИ
КРЫЛЬЯМИ

ЦЕПНОЙ ПЁС
САМОДЕРЖАВИЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т98

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрации на обложке *Владимира Гусакова, Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Тюрин, Виктор Иванович

Т98 Смерти вопреки: Чужой среди своих. Свой среди чужих. Ангел с железными крыльями. Цепной пёс самодержавия : сборник / Виктор Тюрин. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2022. — 912 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-136869-2

Жизнь этого человека так бы и закончилась в двадцать первом веке, но что-то пошло не так, и он оказался в 1940 году, в теле семнадцатилетнего Кости Звягинцева. Главный герой — бывший наемник, воин-афганец, который имел в жизни только два принципа: не предавать родину и не воевать против своих. Другое время оказалось для него чужим, ведь он не подходил под стандартный вариант гражданина Страны Советов, и ему пришлось искать свое место в этой новой жизни. А еще ему пришлось выживать, как когда-то в горах Афгана или в тропических лесах «банановых республик», ведь наступила война и он не смог изменить присяге и стал защищать свою Родину...

Сергей Богуславский не только старается найти свое место в новом для себя мире, но и все делает для того, чтобы не допустить государственного переворота и последовавшей за ним гражданской войны, свергнувшей Россию в хаос.

Создав на основе жандармерии новый карательный орган, он уничтожит оппозицию в стране, предотвратит ряд покушений на государя, заставит народ поверить, что для российского правосудия неприкасаемых больше нет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136869-2

© Виктор Тюрин, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

ПРОЛОГ

Клубок человеческого сознания, который состоял из миллиардов нитей, отвечающих за умственное, душевное и телесное здоровье, стал разматываться, раскидывая в разные стороны обрывки. Человек умирал, и нити, раньше скрепленные и переплетенные воедино, сейчас, судорожно подергиваясь, разлетались в неведомом пространстве, где непонятным образом слилось все вместе — жизнь и смерть, пространство и время. Одни из них, отмершие, отваливались от клубка мертвыми кусками, другие, еще живые, просто распускались на всю длину. В какой-то момент одна из таких нитей случайно коснулась другого, трепыхавшегося на невидимом ветру, конца из клубка другого сознания умирающего человека. Так случилось почти невозможное. Невообразимо маленький, почти призрачный шанс дал возможность слиться двум разумам — наложить отпечаток чужой личности на мозг другого человека.

ГЛАВА 1

Это был очень странный сон... Перед моими глазами прошла жизнь человека, юноши семнадцати лет, с мельчайшими деталями и подробностями, и это притом, что сны в своей жизни я видел редко, а когда просыпался, то уже не помнил, что в них было. Какое-то время, не открывая глаз, я пытался понять, как такое может быть. Это было более чем странно, так как воспоминания юноши не исчезали в дымке истаивавших поутру сновидений, они плотно сидели у меня в памяти. Особенно его последнее воспоминание: наглая прыщавая рожа какого-то верзилы. Замах тяжелого кулака. Резкая вспышка боли, земля, уходящая из-под ног, кусок ярко-голубого неба, промелькнувшего перед глазами и... темнота.

«Словно и не сон...»

Не успел я так подумать, как услышал легкий храп.

«Погоди! Так, где это я?»

Не успел вопрос возникнуть в голове, как я вспомнил о том, как забравшись на стремянку, укладывал на место старое уголовное дело. Уже начав спускаться, неловко повернувшись, перенес вес тела на искалеченную ногу, чего делать ни в коем случае было нельзя, так как собранная по частям врачами нога имела дурную способность в самые неожиданные

моменты разрождаются вспышками сильной боли. Невралгия, мать ее! Обычно я старался присесть или перенести вес тела на другую ногу, что я и сделал почти автоматически, но неустойчивость положения, в котором я находился, меня подвела. Резко дернувшись, я пошатнулся, затем было падение с двух метров, сильная вспышка боли в голове и... темнота. Стоило всему этому всплыть у меня в голове, как пришла догадка: «Так я в больнице. Видно, сильно меня приложило. Хорошенькое сотрясение мозга получил, раз такие долгоиграющие сны снятся».

Чтобы окончательно удостовериться, открыл глаза. Несмотря на то, что за окном была ночь и в помещении было темно, глаз легко различил спинки кроватей на белом фоне стен. Больничная палата. Я приложил руку к голове. Плотный намотанный вокруг головы бинт окончательно подтвердил правильность моего вывода. Вроде все было правильно и логично, но внутренняя тревога не хотела рассеиваться, даже наоборот, она все больше усиливалась, словно хотела предупредить меня о чем-то. Причиной непонятной тревоги мог быть только яркий и ничем необъяснимый сон.

«Всё этот сон. Станный и непонятный сон...» — постарался я себя успокоить, но в следующее мгновение взгляд уперся в спинку моей кровати. Она была металлическая и выкрашена белой краской. В этот самый момент луна пробилась сквозь тучи, и ее тусклый свет проник в палату. Снаружи где-то глухо залаяла собака, заставив меня автоматически повернуть голову к окну. Деревянная рама, выкрашенная в белый цвет. Вместо штор была белая занавеска, висевшая на веревочке и закрывавшая только нижнюю половину окна. И... открытая форточка. За окном было лето. Я слышал шелест листвы за окном, а затем легкий теплый ветерок, ворвавшись в палату из приоткрытого окна, принес с собой легкий и сладкий аромат трав и цветов. Сердце обмерло.

«Этого не может быть. Просто не может быть. Сейчас зима! Зима! Сегодня 16 февраля!»

Рука сама откинула одеяло, и я рывком сел на кровати, но, похоже, делать мне этого не следовало. Резкие движения подняли тяжелую волну боли в голове. В глазах потемнело, а уже в следующую секунду меня вырвало. Сквозь боль и спазмы, сотрясавшие тело, я словно сквозь вату услышал из-за спины чей-то мужской крик:

— Сестра! Никитична! Мальчишке плохо!

Послышалось тяжелое и быстрое шлепанье тапочек, открылась дверь, и вспыхнул свет. Все это я воспринял отстраненно, так как кружащаяся голова и накатывающая волнами тошнота поглощали все мое внимание.

— Паренек, ты как?! Очнулся, слава тебе господи! И зачем встал?! Ложись! Быстро ложись! — но, видно, увидев следы рвоты на моих подштанниках и на полу, сразу переменяла свое решение. — погоди! Сейчас вызову врача и побегу! Ты только сиди и не двигайся! Семенов! Пригляди тут за парнем! Я живо!

Последние слова донеслись уже из-за двери. Потом помню таз на полу у моих ног, суету рук, снимающих с меня нижнее белье и обмы-

вающих тело и лицо, а спустя какое-то время я оказался лежащим под одеялом, а надо мной склонилось лицо врача. Сознание сразу отметило белую шапочку на его голове, круглые очки на носу и небольшую курчавую бородку. Лицо напряженное. Было видно, что человек растерян и волнуется.

— Как ты себя чувствуешь?! Голова кружится? Тошнит?

— Не-ет, — медленно ответил я, прислушиваясь к своим ощущениям. — Пока все нормально. Спать только сильно хочу.

Голова слегка кружилась, но не это меня сейчас волновало, а то, что вокруг меня происходит.

— Хорошо. Спи. Если станет плохо, зови сестру.

Врач ушел, сестра поправила на мне одеяло, потом выключила в палате свет и осторожно закрыла за собой дверь. Наступила тишина. Я закрыл глаза. Несмотря на довольно смутное восприятие окружающей действительности, понятно было одно: я — это не я, а если выразиться точнее, находился я сейчас не в своем теле. Этот факт настолько не укладывался у меня в голове, что я несколько раз провел пальцами по местам, где должны находиться шрамы. Никаких следов. Худое тело юноши.

«Сон. Тело. Хм. Может, это просто бред? Горячечный бред».

Простая мысль, возникшая в затуманенном состоянии, расставила немыслимые факты по своим местам и дала отмашку сознанию успокоиться, наверное, поэтому я неожиданно для себя уснул. Проснулся от слегка дребезжащего мужского голоса, который громко вещал об ударных темпах сбора урожая.

«Какого черта радио на полную мощь включили?! Это что, больница или хрен...»

В следующую секунду я резко открыл глаза. Сердце замерло, а потом застучало сильно-сильно. Ночной кошмар вернулся, но теперь уже наяву, при свете дня. Какое-то время я тупо смотрел на слегка выцветшие плакаты, висящие на стене, напротив моей кровати. Один из них изображал Ленина и Сталина на фоне трудящихся масс и красных флагов со словами: «Вперед к победе коммунизма!» Рядом висел плакат с фигурами Сталина и Ворошилова на фоне военного парада на Красной площади. Внизу надпись: «Да здравствует рабоче-крестьянская Красная Армия — верный страж советских границ!» Сталин был в фуражке, а Ворошилов — в буденовке, с шашкой и кучей орденов на груди. Какое-то время я перебегал взглядом с одного плаката на другой, тупо перечитывая надписи на них, а потом посмотрел на свои руки, лежащие поверх грубого солдатского одеяла. Это были руки юноши семнадцати лет от роду, Кости Звягинцева. И я всё знал о его жизни. Всё!

«Это не бред. Но как подобное могло произойти?»

Страха не было, а вот напряжение, растерянность и скованность в мыслях присутствовали в полной мере. Не отрывая головы от подушки, медленно и неторопливо обежал глазами палату. По сторонам и над головой — плохо выбеленные стены и потолок. Шесть металлических разномастных кроватей. По углам палаты стояли две тумбочки, очень

похожие на табуретки на длинных ножках, только в их верхней части были вделаны выдвигающиеся ящички, а на третьей, стоявшей посредине помещения, между двух кроватей, красовался горшок с каким-то цветком. Не успел я все это оценить как следует, как наткнулся на любопытные взгляды еще двух обитателей палаты.

— Оклемался, парень? Али как? — спросил меня мужчина с худым, изможденным лицом, на котором довольно странно смотрелись пышные буденовские усы, торчащие в разные стороны.

— Не знаю, — неуверенно произнес я, причем мой тон касался не столько моего физического, сколько душевного здоровья.

— Не знаю, — насмешливо повторил он за мной. — Глянь на него! Не знаю! Да ты радоваться должен, что выжил, паря! Давай знакомиться! Тебя же Костей кличут? А меня зови Михалычем.

Мужчина был тем Семеновым, который ночью вызвал медсестру. Спустя десять минут я знал, что тот воевал с германцем, потом дрался с белыми генералами, а теперь работает в котельной истопником и попал в больницу с очередным обострением язвы. Это был худой, болезненного вида мужчина, но с живыми и хитрыми глазами. Сейчас он сидел на кровати в белой нательной рубашке и кальсонах, держа в одной руке очки, а в другой — газету, а рядом, на соседней кровати, сидел, не отрывая от меня любопытного взгляда, мощного сложения молодой парень с широким лицом и носом-картошкой, который представился Дмитрием. От силы ему было лет двадцать пять. Его левая рука была в гипсе и висела на груди, на перевязи. Работал он в механических мастерских, где при ремонте какого-то пресса произошел несчастный случай.

Оба просто пожирала меня глазами, изнывая от любопытства. Им явно хотелось услышать какую-нибудь страшную историю, но так как я молчал, Михалыч решил подтолкнуть меня к разговору.

— Когда тебя привезли и положили, я подумал, что не жилец ты, паря, на белом свете! На лице ни кровинки. Лежишь весь белый, не шевельнешься, только дышишь. Три дня так лежал. И вот на тебе! Живой! — радостно поделился с нами своими переживаниями истопник.

— Три дня? — вопрос должен был подразумевать удивление, но мне было абсолютно все равно, сколько я здесь лежу. Три дня или три недели. Так как на данный момент это был самый незначительный странный факт из тех, что осознал мой ошеломленный мозг.

— Точно! Лежал. Михалыч правду говорит, — подтвердил Дмитрий. — Только стонал изредка. А так, как труп, даже не шелухнувшись ни разу. Как тебя угораздило, парень, так головой стукнуться?

Я перевел на него взгляд и тихо сказал:

— Не помню.

Слесарь-ремонтник переглянулся с истопником, потом оба устали на меня с явным сочувствием.

— Тебе что, парень, память совсем отшибло? — наконец поинтересовался Михалыч.

Отвечать я не стал, а вместо этого спросил:

— Какое сегодня число?

— Семнадцатое августа, — тут же отозвался слесарь-ремонтник.

— А год... какой?

Мне был известен год, но мне нужно и важно было подтверждение со стороны того, что я и так знал. Вернее, знал Костя Звягинцев. Зачем мне это было? Честное слово, не знаю. Просто хотел услышать от постороннего человека.

— Сороковой год, — задумчиво протянул Михалыч, вглядываясь в меня, и, немного помолчав, добавил: — Знаешь, парень... Был такой случай у меня. Помню, в девятнадцатом году нашему комэску в бою под Красным так дали по голове, что он только через сутки в себя пришел и тоже, как ты, сидел полдня и, словно дурень, глазами хлопал.

Истопник, по-видимому, ожидал, что этот интересный случай вызовет вопросы, но так как никакой реакции не последовало, наступила неловкая тишина, к тому же, отведя взгляд, я уставился в потолок, всем своим видом показывая нежелание продолжать разговор. Михалыч, пожав плечами, надел круглые очки и принялся читать газету. Дмитрий еще какое-то время поглядывал на меня, потом встал и, подойдя к распахнутому окну, сел на подоконник и стал слушать музыку духового оркестра, которая неслась из громкоговорителя, подвешенного где-то снаружи.

Попытки понять, как такое могло произойти, я отбросил сразу. Не мое это, да и ни с чем подобным не только сталкиваться, к тому же даже слышать о подобных фактах не приходилось. В чудеса не верил, так же как в бога и черта. Переселение души? Хотя факт был налицо, но все равно мне почему-то казалось, что к этому мой случай никакого отношения не имеет, хотя бы потому, что имеется факт наличия двойной памяти. Это настораживало, так как невольно подталкивало к мысли, что у хозяина тела еще есть шанс возвратиться...

Впрочем, новое тело и прыжок в прошлое я был вынужден признать как факт, от которого никуда не денешься, и сделал соответствующий вывод: будем жить с тем, что есть... Вот только как уложить жизненный опыт и привычки взрослого человека с образом юноши, лишь вступающего во взрослую жизнь? Настолько разный жизненный опыт, что и говорить об этом не приходится, не говоря уже о привычках и вкусах. Ведь чтобы полностью перевоплотиться в юношу, требовалось определенное актерское мастерство, которого у меня даже на грош не было.

Опекаемый родителями, Костя был наивен, а во многих чисто житейских вопросах даже глуп, подменя реальную жизнь своими юношескими фантазиями, но это если судить с точки зрения взрослого человека. При этом обладал очень цепкой зрительной и умственной памятью и имел, по тому времени, отличное образование, в чем была немалая заслуга его родителей, высокообразованных и интеллигентных людей. Именно они привили сыну любовь к книгам и изобразительному искусству. Кроме того, он почти в совершенстве владел двумя иностранными языками, хорошо играл в шахматы и пытался писать стихи.

«Талантливый паренек, не то что я, разгильдяй...» — И память автоматически перескочила на страницы моей собственной биографии, как бы сравнивая прожитые мною годы с неполными семнадцатью годами угловатого юноши, который только-только взял старт во взрослую жизнь. В отличие от талантливого парня, у меня были свои достижения в жизни, хотя их далеко не каждый человек так назовет. Конечно, можно сослаться на такие слова, как «присяга», «служебный долг», «выполнение приказов командования», и это будет правильно. Я получал приказы и старательно их выполнял, но если заглянуть в Священное Писание, то большинство заповедей мною были нарушены. Причем неоднократно.

Так уж сложилось, что моя жизнь разделилась на две неровные части. Первая часть моей жизни началась с детского дома. Первые несколько лет я мечтал о том, что вот-вот придут мои родители и заберут меня домой, но уже в двенадцать окончательно понял, что о них можно забыть и жить надо не мечтами, а реальной жизнью. Идти учиться в техникум или институт не было ни малейшего желания, поэтому результатом выбора стало ПТУ. Во время учебы ходил в секцию бокса, но спустя год с лишним меня отчислили, так как не всегда получалось сдерживаться и драться по правилам. Затем был выпуск и направление на завод. Заводское общежитие мало чем отличалось от детского дома, вот только теперь я считал себя взрослым, а значит, надо гулять по-взрослому. Пьяные компании, девочки, драки. Парень я был не по годам крепкий, к тому же не умел отступать, так что сидеть бы мне в тюрьме, да участковый оказался настоящим человеком, сумел найти к строптивому и своевольному парнишке подход. Узнав, что я занимался боксом, устроил меня в секцию самбо, а спустя год я ушел в армию. Степан Петрович Козарев, наш участковый, стал единственным человеком, кто пришел проводить меня в армию.

Казарма практически ничем не отличалась от детдомовской спальни и койки в общежитии, поэтому особых проблем для меня армейская жизнь не представляла, а вот дисциплина напрягала.

Полгода учебки в десантно-штурмовой роте — и здравствуй, Афганистан! Многие из моих однолеток были умнее и образованнее меня, но зато, в отличие от них, я обладал звериной интуицией, хитростью и изворотливостью, а если к этому прибавить смелость, хладнокровие и жестокость, то получится идеальный боец. Мой командир оказался хорошим воспитателем и сумел привить необходимые для войны навыки. Основной предмет «как стать сильнее страха», без которого трудно выжить, я постоянно сдавал на пять баллов. Не все из солдат оказались готовы к подобным экзаменам, но, в отличие от многих, я смог стать достойным учеником своего учителя. Эти годы закалили меня, научили как отчаянной смелости, так и осторожности и терпению, но главное — умению разбираться в людях. Уже позже я понял, как мне повезло с командиром. Волевой, хладнокровный и жесткий офицер стал для меня примером. Именно от командира, великолепного мастера ножевого боя, на всю оставшуюся жизнь у меня осталась страсть к холодному оружию.

За время службы у меня в голове сложилась мысль посвятить себя армии, но командир, похоже, лучше знавший меня, чем я сам себя, не сразу, а постепенно доказал мне, что служба в Афганистане по большей части является работой наемника, но никак не солдата.

Все, что я вынес из Афганистана, помимо богатого боевого опыта, были старшинские лычки и три медали. С другой стороны, доказал себе, что я крутой мужик, а значит, живи дальше, работай, заводь семью, вот только спустя какое-то время я понял: окружающий мир без войны для меня не существует, поэтому об обычной работе не могло быть и речи.

Следующие полтора года я кидался из стороны в сторону, работая то охранником, то вышибалой, но это была не та жизнь, к которой я стремился. Мне не хватало риска, ярости смертельных схваток и адреналина, кипящего в крови. Жизнь с каждым днем становилось все более серой и блеклой. Что делать? Оставался криминал, но от этой ошибки меня спас бывший командир. Он вспомнил обо мне, так как в это время собирал команду для «командировки» в одну банановую республику. На вопрос «что там будем делать?» он ответил коротко и по существу: работать по специальности и с хорошей оплатой, на что я с большой радостью согласился.

Следующие одиннадцать лет, переходя от одной войны к другой, я воевал зло и жестко, придерживаясь только двух правил: не предавать интересов Родины и не воевать против своих, пока не получил тяжелое ранение в бедро и не превратился в инвалида. Моя профессия наемника не исключала подобный вариант, но человек всегда надеется на лучшее, а это в моем понимании означало быструю смерть. Пуля в голову или в сердце.

«Что случилось, то случилось», — подведя этими словами итог своей прежней жизни, я снова, в очередной раз, стал делать попытки найти себя в гражданской жизни.

Неизвестно, как бы сложилась моя дальнейшая судьба, если бы не одна моя странность. Мне всегда нравилось посещать художественные музеи и картинные галереи. Тихие, прохладные залы, увешанные картинами, были спокойным и уютным местом, противовесом моей бурной, полной боевого азарта и риска, жизни наемника. Словно тихая пристань для корабля, который, стремясь уйти от бури, укрывался в спокойной гавани. При моем характере и образе жизни это можно было объяснить только генами, заложенными во мне одним из моих предков, видимо каким-то образом связанным с искусством. Именно там, в одном из художественных музеев, случай свел меня с женщиной, которая спустя год стала моей женой. Это был в моей жизни сложный, непонятный и очень неприятный (и это мягко сказано) период, и только Лена стала тем единственным человеком, который поддержал меня в то трудное время. Она не жалела меня той бабьей, надрывной жалостью, с причитанием и слезами на глазах, а отогрела и вернула в люди своей особой душевной теплотой. Девизом нашей совместной жизни вполне могли стать слова из песни: «просто встретились два одиночества».

До нашей встречи у Лены была одна-единственная любовь и страсть: ее искусство. В сорок три года она уже была признанным международным экспертом-искусствоведом по искусству эпохи Возрождения, имела ряд научных работ, докторскую степень. В какой-то момент к ней пришло прозрение: годы, когда люди сходятся, обзаваются семьей и заводят детей, прошли, и тогда произошла наша случайная встреча. Наверное, это была высшая предопределенность или, проще сказать, судьба. Вместе мы прожили семнадцать лет. Год назад ее не стало. Этот период я считаю своей второй половиной жизни. Она совершенно противоположна первой части, но со временем я приобрел к ней вкус и перестал сожалеть о прошлом. Экспертом в области искусства я, конечно, не стал, но определенные знания и опыт в этой сфере получил.

Работая в архиве МВД, со временем я заинтересовался историей советской милиции. Это стало моим вторым увлечением. В свободное время, насколько это было возможно, я старался как можно чаще посещать тир и зал ножевого боя. Естественно, что схватки на ножах для инвалида были противопоказаны, но мне никто не мешал там оттачивать, доводить до совершенства метание ножа в мишень.

Теперь, в этом времени, мне, судя по всему, снова придется учиться жить. Уже в третий раз. Я еще только пытался приноровиться к мысли о новой жизни, как дверь открылась, и в палату вошли два врача, сопровождаемые медсестрой. Внешний вид медиков был для меня непривычен. У мужчин и женщины были одинаковые длинные белые халаты, которые завязывались сзади на тесемочки. Кроме того, у сестры волосы прикрывала белая косынка, делавшая ее похожей на монахиню. Один из врачей мне был уже знаком по ночному визиту. Незнакомый доктор первым подошел к моей кровати.

— Здравствуй, Константин. Меня зовут Михаил Аристархович Поливанов. Я заведующий отделением. Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю даже, — тихо ответил я на его вопрос. — Вроде неплохо.

— Хм. Для человека, трое суток пролежавшего без сознания, ты действительно неплохо выглядишь. Теперь давай подробней. Голова кружится?

В течение какого-то времени он меня трогал и ощупывал, одновременно задавая мне вопросы о самочувствии. По мере осмотра его лицо принимало все более задумчивое выражение, и когда он подвел итог, в его голосе явно чувствовалась неуверенность:

— Гм. Честно говоря, ничего не могу сказать на данный момент. Если исходить из вашего состояния, то у вас, молодой человек, все как бы в порядке. Гм... но это для человека, который получил обычное сотрясение мозга, но тогда сразу возникает вопрос: что могло вызвать у вас столь длительное состояние комы? Причем... Впрочем, я не специалист. М-м-м... Хорошо бы вас показать... Ладно. Пока полюбите у нас, молодой человек, а мы вас наблюдаем. Гм. Так что до завтра.

Судя по тому, что он неожиданно перешел на «вы», его голова сейчас была занята разгадкой необыкновенного случая в медицинской практике. Если на меня потратили определенное время, то с двумя другими пациентами нашей палаты врачи разобрались быстро. Дмитрий, оказывается, попал в больницу вчера поздно вечером, поэтому его решили оставить до утра и сегодня после короткого осмотра выписали из больницы, при этом сказав, что ждут его через две недели на осмотр. Он тут же стал одеваться с помощью молоденькой сестры. У кровати Михалыча они тоже долго не задержались, и спустя пять минут дверь за ними закрылась. После того как они ушли, истопник ехидно заявил, что это не врачи, а коновалы, и какое-то время негромко ругался, но высказать свое возмущение до конца ему не дал приход «моих» родителей, после чего состоялся мутный, бестолковый, суетливый разговор. Мама плакала навзрыд, отец, было видно, тоже сильно переживал, но крепился, стараясь не показывать своих чувств. Судя по их состоянию, вид у меня был не сильно бодрый, поэтому я постарался успокоить, пусть и дежурными словами:

— Папа, мама, все уже хорошо. Не волнуйтесь вы так, я почти здоров.

Когда они наконец ушли, я облегченно вздохнул, так как довольно трудно было исполнять навязанную мне роль сына, но как оказалось, визиты на этом не закончились. После обеда пришел младший лейтенант милиции. На фуражке пятиконечная звезда с извечным серпом и молотом, гимнастерка белого цвета, в голубых петлицах три кубика, португеза с кобурой и планшет, из которого он сразу вытащил блокнот и карандаш. Меня удивило только одно: мужику лет сорок, а то и более, а он все в младших лейтенантах ходит. После короткого представления он пожелал узнать, как я оказался лежащим с пробитой головой на улице Парижской Коммуны. Пришлось ему объяснить почти теми же словами из фильма «Бриллиантовая рука», что я шел по улице, подвернулась нога, упал, а дальше — больница.

— Гм. Значит, шел, затем оступился и упал. Все так и было? Ничего не путаешь, парень? — с явным недоверием спросил лейтенант.

— Все так, как я сказал.

— Хм! Пусть так, — в его голосе чувствовалось явное сомнение, — но ты потом, когда выздоровеешь, зайди ко мне. Авось что-нибудь и вспомнишь. Договорились?

— Хорошо, — соврал я, зная, что не приду к нему.

— Выздоровливай, Костя. До свидания.

Михалыч, все это время делавший вид, что читает, а сам внимательно прислушивавшийся к нашему разговору с милиционером, отложил газету, после чего лег, повернувшись к стенке, и уже через несколько минут захрапел. Для меня наступило время обдумать мою будущую жизнь. Новое тело и новое время я уже признал как факт, а вот линию поведения предлагалось продумать и выработать.

«Слишком большая разница лет, да и характеры, считай, две противоположные величины».